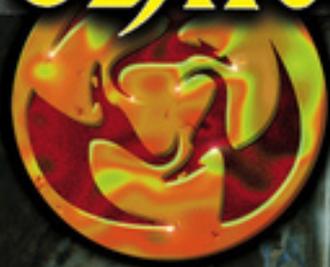

СВЯТОСЛАВ ДОРИНОВ

МЁД ЖИЗНИ

ЭКСМО

Святослав Логинов

Мед жизни

«Автор»

1992

Логинов С. В.

Мед жизни / С. В. Логинов — «Автор», 1992

Раз в год на Земле происходит великое чудо - проливается Мёд жизни, который возвращает саму суть существования живого. Но злодей Фартор стремится присвоить себе этот великий дар. Чтоб помешать ему, рыцари со всего света спешат на борьбу с этим бессмертным прислужником зла.

© Логинов С. В., 1992

© Автор, 1992

Святослав Логинов

Мёд жизни

Хоть не пил он, а только хотел.

Л.Кэрролл

Мёд жизни сладок и горек одновременно, в нём собраны ароматы всех цветов, морозный свет горных вершин и тьма морских провалов. Он холоден и горяч, в нём сошлись все противоположности...

Гоэн – седобородый рыцарь Опавшего Листа обвёл взглядом слушателей. Никто не шевелился, все молча и торжественно внимали с детства знакомым словам. Слова были как песня, как причащение перед битвой.

– Бархатные шмели собирают сладкий оброк с садов и гречишных полей Резума. Лесные пчёлы гудят в чашах непроходимого Думора. Хищные осы копят росистую свежесть ковылей Нагеи, острую и летучую, как они сами, – при этих словах Зеннах – Свистящий рыцарь молча сверкнул чёрным глазом и приподнял бровь, изогнутую, как сабля. – Ледяные шершни выюгой облетают торосы безжизненного Норда в поисках снежного цветка. Мириады их истаивают в пути, но последний приносит каплю ледяного нектара. Так рождается мёд жизни. Медленно созревает он, и никто не осмеливается приблизиться, боясь нарушить великое чародейство...

– Фартор! – слово это, не сказанное никем, прозвучало резко и грубо, прервав рассказчика. Оно словно пригнуло к земле засохшие деревья, песок перестал сыпаться с выщербленных скал, а сидящие рыцари сдвинулись теснее, ища друг в друге поддержки. Тяжеловесный Хум – рыцарь Соли прижался доспехом из задубевшей кожи к сверкающему плечу Турона, и рыцарь Ледяного Меча не заметил прикосновения своего извечного противника. Зентар – юный рыцарь Первой Травы тревожно оглянулся, но спесивый Бург – рыцарь Стен сдержал насмешку и сделал вид, что ничего не заметил. Недвижим и безучастен остался лишь рыцарь Солнечного Луча. Этот витязь был окружён глубокой тайной: никто не ведал, откуда он пришёл, где живет, по праву ли носит свой девиз. Знали лишь его имя – Виктан. Рыцарь Солнечного Луча являлся и исчезал беспричинно, ни один человек не мог предугадать его поступков, не знал пределов его силы. Но то, что сегодня и он был здесь, внушало уверенность. И медлительный Гоэн продолжил рассказ, словно не принесло только что ветром имя врага.

– Мёд жизни содержит все качества, известные и неведомые. Свойства соединяются в нём, не гася друг друга. И произойти это может лишь в местности, лишённой качеств. Только отсюда мёд жизни не получает ни единой своей частицы. Это Блэкный Край, инертный и пустой. Он скучен, но всё же жизнь зависит от него, поскольку здесь стоит чаша, в которой зреет наш мёд. Раз в год, в день весеннего равноденствия, чаша переполняется и мёд проливается на землю. Суть жизни возвращается миру. Небо наливается синевой, леса наполняются живностью, люди – силой. Дружба укрепляется радостью, вражда – благородством. Жизнь оплодотворяет саму себя, и лишь Блэкный Край ничего не получает от праздника бытия. Здесь всегда пасмурно, но никогда не идёт дождь. Бесплодная равнина тянется на много недель пути, на ней не растёт трава и никто не живёт...

– Фар-р-ртор-р!.. – продребезжало среди камней.

– ...и никто не живёт, – упрямо повторил сказитель, – ибо даже единый испачканный взгляд может извратить чудесные свойства чистого мёда. Рассказывают, что испробовавший мёда постигает смысл бытия и видит суть вещей. Тайное становится открытым для него, а в простом он видит неведомые другим бездны. Но за все прошедшие века ни один мудрец не посягнул на общее сокровище.

– Ф-ф-фтортор!.. – прошипело за спиной, словно плеснули водой на раскалённую жаровню.

– Единая капля, текущая на землю из каменной чаши, возвращает силу и здоровье немощному и может, как говорят, оживить мёртвого. И всё же созревший мёд свободно разливается по свету, поскольку ни один человек не осмелился продлить свои дни за счёт всеобщей жизни.

– Фар-гор!!! – набатом ударило отовсюду разом, так что нельзя было не обратить внимания на этот гром, остаться безучастным и сделать вид, будто ничего не происходит.

Гоэн вскочил, меч его, не кованый, а выращенный лесными харраками, прочертил над головами огненный круг.

– Ты можешь не трудиться, повторяя без конца своё имя! – крикнул Гоэн. – Я хорошо слышу. Я не знаю, кто ты и каков из себя, но клянусь, что кем бы ты ни был, через день тебя здесь не будет. Мне даже жаль тебя – ты затеял бессмысленное дело и сам знаешь это. Неужели ты надеешься победить все силы вселенной разом? – Гоэн опустил меч. – Молчишь? Ты правильно сделал, что умолк. У тебя ещё есть время до завтрашнего утра. Но берегись, если утром мы увидим, что путь к чаше закрыт.

Ответа не было. Старый воин оглядел сереющие окрестности, а затем на правах старшего распорядился:

– Рыцари леса разводят костёр, горожане готовят ужин. Остальные выделяют добровольцев – быть ночной стражей.

В словах Гоэна не было обиды или унижения. Все знали, что в Блэклом Краю не у всякого загорится огонь и уж тем более не просто накормить воинов там, где пища лишена вкуса. Поэтому гордый Бург распустил ремни на мешке и начал доставать провизию, а сам Гоэн и рыцарь Шш, бывший не человеком даже, а покрытым замшелой корой лесным духом, отправились за валежником.

– Кто согласен караулить ночью? – спросил Хум. – Я думаю – достаточно троих.

Тотчас поднял руку Зентар. Юный рыцарь Травы не представлял, как можно улечься спать накануне первой в своей жизни битвы. Вторым стал Бестолайн – рыцарь Бездны. Лучшего сторожа нельзя было и пожелать. Жизнь под землёй лишила Бестолайна глаз, но обострила слух, так что в самые тёмные ночи рыцарь Бездны чувствовал себя уверенней всего. Об этом воине легенд ходило, пожалуй, ещё больше, чем о Виктане, а знали о нём ещё меньше. Нельзя было даже с уверенностью сказать – человек скрывается под чернёным панцирем или одно из мрачных подземных существ, принявшее людские законы и получившее имя рыцаря. Но сегодня его тайна не тревожила – главное, что он был вместе со всеми. Третьим караульщиком вызвался Виктан.

В Блэклом Краю не бывает закатов, просто привычный сумрак сгустился сильнее и стала ночь. Огонь костра не рассеивал её, не помогал видеть. Те из рыцарей, кто мог и хотел есть, придвинулись к котлу. Двое рыцарей, опрометчиво давшие обет поститься до самой победы, отвернулись, чтобы не смущать себя видом яств, поскольку припасы Бурга были вкусны даже здесь. Шш задумчиво ковырял сучком в зубах. Людская пища была ему не по вкусу, и вообще он мог не есть месяцами. Недвижим остался и Бестолайн. Забрало его шлема, сплошного, без прорезей для глаз, никогда не поднималось и, кажется, было приварено к нащечникам. Зато Виктан вовсе снял шлем, так что все могли рассмотреть его, хотя и не принято было глазеть на рыцарей. Не было во внешности неведомого воина ничего сверхъестественного. Был он далеко не мальчишкой, но и старческая дряхлость ещё много лет обещала обходить его стороной. Твёрдый подбородок, прямой взгляд серых глаз, худое лицо, словно выточенное из плотного дерева, лишь возле глаз чуть заметно лучатся морщинки, видно, в юности Солнечный рыцарь любил смеяться. Проседе, осветлившая тёмные волосы, говорит не о возрасте, а о пережитых бедах. Ел он немного и молча, как и все остальные воины.

Вскоре лагерь замер в ожидании тусклого утра. Рыцари умели засыпать быстро и безбоязненно, полагаясь на бдительность часовых.

Виктан сидел у костра, напротив смутно вырисовывалась фигура Зентара. Бестолайн расположился в стороне, его видно не было.

Как всегда, в ночи рыцаря Солнечного Луча одолевали мучительные мысли. Днём, особенно при ясном небе, мир был прост и понятен. Было зло, которое следует побеждать, и добро, ждущее помощи. Ночью всё сливалось в темноте, словно истекая одно из другого, границы пропадали и пропадала уверенность. В темноте Виктана мучили видения – нелепые и невозможные: мелкий дождь, множество людей и бесконечные разговоры ни о чем. Ничего подобного не бывало в жизни благородного Виктана, но всё же он не мог бы утверждать, что это было не с ним. Молва приписывала рыцарю Солнечного Луча способность неожиданно исчезать и появляться, а порой он застывал и часами стоял как во сне, безвольно опустив руки. И не то беда, что другие не знали, куда временами пропадает Виктан, но этого не знал и сам рыцарь. Хотя он привык, что во всякую минуту может осознать себя в незнакомом месте, где от него потребуются его мощь, мужество и разум. Так что не это тревожило его. Пугало собственное беспомощество.

– Фартор, – беззвучно шептал он, – Фартор...

Неведомый владыка Блэклого Края, осмелившийся посягнуть на общее богатство, и тот серый мир, что мерещился Виктану после пробуждения, – что между ними общего? Неизвестно. Но ведь они могут и просто совпадать, и тогда...

«Кому служишь, рыцарь? – подумал Виктан. – Кто ты? Почему-то никто не спросил меня об этом. Кто ты, рыцарь Солнечного Луча? Откуда тьма в твоей памяти?»

Виктан бросил на угли сразу несколько тонких веток. Медленно поднялось ленивое пламя, в его языках безмолвно вспыхивал и сгорал носящийся в воздухе сор – не то клочья почерневшей паутины, не то просто пыль, причудливо увеличенная слабым светом.

«Откуда столько пыли? – подумал Виктан. – Здесь её не должно быть».

Неудержимая сонливость наваливалась на него, Виктан чувствовал, что ещё минута – и он уснёт, хотя поставлен на страже и товарищи доверились ему. Впервые с ним происходило такое – он всегда был безупречным караульщиком. Но, в конце концов, что может случиться в Блэклом Краю, где нет никаких качеств, а значит, и силы? К тому же рядом Бестолайн, привыкший к тьме, тишине и бессонным ночам. С ним можно быть спокойным, вот и Зентар, их третий напарник, уснул, повалившись на изумрудный плащ. Правда, Бестолайн слеп, но в мире нет никого, кто мог бы подойти так тихо, чтобы рыцарь Бездны не услышал. Значит, можно заснуть... на несколько минут, не больше.

Глаза закрывались сами собой.

«Кому служишь, рыцарь?» – засыпая, вспомнил Виктан и, пересиливая себя, протянул руку, кинул в костер ветки, сколько сумел захватить.

Закружились, исчезая в огне, чёрные хлопья. Внезапно вспыхнувшим сознанием Виктан увидел опасность, но уже не было сил подняться.

«Тревога!» – хотел крикнуть он, но лицо облепило паутиной, губы не размыкались, и лишь чуть слышный шёпот протиснулся сквозь них. Но и этого комариного звука оказалось достаточно для Бестолайна. Стальная булава взлетела и набатно ударила по кованому щиту.

Тревога!!!

Грохот вернул Виктану силы. Он наклонился и, не раздумывая, нырнул лицом в угли. Лицо опалила боль, но зато вернулась способность видеть и говорить. Виктан вскинул вверх руку с кольцом. В кольцо был вделан солнечный камень гелиофор. Камень засиял, разгоняя тьму. Света хватило ненадолго, по ночам камень светил с трудом, но этого достало, чтобы увидеть и понять, что происходит.

Воздух вокруг был переполнен чёрным пухом, тончайшие волокна опускались на людей, проползали в щели доспехов, утолщаясь, пульсировали, наливаясь красным. Разбуженные рыцари вскакивали, размахивали руками, пытаясь отодрать прильнувших кровопийц.

– Огнём! – закричал Виктан, подпаливая разом связку факелов. – Они боятся огня!

Через минуту нападение было отбито. Не успевшие улететь клочья паутины были сожжены, воздух очистился. Виктан оглядел соратников. Все остались живы, но бледные лица, погасшие глаза показывали, как много крови они потеряли. Неважными бойцами будут они утром.

Незаметно высветлилось небо. Никто из рыцарей не удивился, увидев, что впереди по-прежнему мерно колышется завеса. Фартор, закрывший подход к чаше, не собирался отступать. Странно было бы ожидать отступления после столь удачной вылазки. Но сейчас вокруг лагеря было пусто и тихо, так что, если бы не пелена вдаль, трудно было бы сказать, где противник и есть ли он вообще. Пелена окружала чашу с мёдом, и уже сейчас, хотя мёд не созрел, по всей стране чувствовалось беспокойство. Рыцари шли, чтобы сорвать пелену, хотя и не знали, что это такое и какие опасности встретят их возле дрожащего полога. Одна опасность, впрочем, уже была известна.

Воины выстроились полукругом, в левой руке каждый держал незажжённый факел.

– Пора, – сказал Гоэн. – Мы разные и из разных краёв, но у нас одна родина – великий Тургор. Сегодня пришел час защищать его. Да поможет нам Светлая Богиня. Мы идём! – крикнул он и первым двинулся вперёд.

Затрепали факелы, цепь воинов пришла в движение. Преграда оставалась безмолвной.

Виктан шагал в общем строю. Справа от него держался Зеннах, слева – молчаливый Безымянный рыцарь. Вблизи завеса оказалась стеной густого тумана. Туман пригасил и без того тусклый свет, вокруг головы закружились чёрные нити. Виктан отмахнулся факелом, кровососы послушно обращались в пепел, но на смену им налетали новые. Отовсюду, пластаясь по камням, начали сбегаться полупрозрачные, почти неразличимые твари. Длинные конечности скребли клешнями по стальным поножам, безуспешно пытаясь добраться до живого. Несколько тварей Виктан рассёк мечом, потом, опасаясь испортить клинок о камни, принялся прокладывать себе путь, топча ползающую мерзость ногами. Он не видел достойного противника, но понимал, что происходит неладное: непроницаемый туман разъединил рыцарей, и каждый из них сражался теперь в одиночку.

– Тургор!.. – выкрикнул Виктан рыцарский клич.

В ответ донёсся режущий слух свист, и Виктан увидел Зеннаха. Свистящий рыцарь шёл, не замедляя шага, одной рукой держа факел, другой бешено вращая семихвостую плётку. Оторванные суставчатые ноги, раздробленные клешни, комья слизи разлетались во все стороны.

– Держись ближе! – крикнул Виктан. – Они разводят нас!

– Кто? – удивился степняк, продолжая описывать плетью круги. – Мне не с кем воевать, это джигитовка, а не бой!

– Не знаю кто, но они хотят, чтобы мы потеряли друг друга! Берегись!..

Из груди членистоногих вдруг вылетели длинные упругие жгуты. Они разворачивались в воздухе, готовые спеленать каждого, до кого сумеют дотянуться. Виктан встретил щупальца ударами меча, обрубки, извиваясь, падали на землю, лишь одно сумело захлестнуть ногу и дёрнуть. Виктан упал, тут же его со всех сторон облепила чёрная пряжа. Обрубив жгут, Виктан перекатился в сторону и сумел встать. Там, где только что был Зеннах, колыхался чёрный сугроб. Свистящий рыцарь не успел выхватить саблю, а плеть оказалась бессильна против живых верёвок. Факелы погасли, но всё же Виктан на ощупь отыскал скрученного Зеннаха и перерезал скользкие путы. Зеннах вскочил, не обращая внимания на присосавшийся к коже пух, засвистел, зовя на помощь. И хотя окружающий воздух убивал всякий звук, призыв был услышан. Слепой Бестолан появился из тумана. Секира в его руках гудела, скашивая тянущиеся челюсти и летящие навстречу верёвки, факел, укрепленный на шлеме, разбрасывал искры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.